

УДК 347.736

DOI: 10.34670/AR.2026.86.24.032

**Особенности правового регулирования оспаривания сделок
должника в делах о несостоятельности и проблемы доказывания
недобросовестности**

Поляков Михаил Александрович

Бакалавр,
Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова,
117997, Российская Федерация, Москва, Стремянный переулок, 36;
e-mail: mikhailpolll@gmail.com

Лаврентьев Сергей Алексеевич

Бакалавр,
Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова,
117997, Российская Федерация, Москва, Стремянный переулок, 36;
e-mail: Sergey.lavrentev02@gmail.com

Аннотация

Институт оспаривания сделок должника, закреплённый в главе III.1 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ, к настоящему моменту функционирует как один из ключевых инструментов пополнения конкурсной массы и защиты кредиторов; вместе с тем результативность его применения остаётся стабильно невысокой. В работе исследованы особенности правового регулирования специальных оснований недействительности сделок при несостоятельности и выявлены ключевые проблемы, связанные с доказыванием субъективной стороны оспариваемых сделок — прежде всего недобросовестности контрагента. Применены формально-юридический, сравнительно-правовой и системно-толковательный методы, обобщена практика Верховного Суда РФ за 2023–2026 гг. Установлено, что доминирование субъективистских подходов при квалификации неравноценных сделок и сделок с предпочтением приводит к смещению бремени доказывания в сторону истца и фактическому обесцениванию ряда легальных составов. Сформулированы предложения по уточнению содержания опровержимых презумпций осведомлённости контрагента и по разграничению конкурсного и внеконкурсного оспаривания. Полученные выводы применимы при подготовке заявлений об оспаривании сделок арбитражными управляющими, конкурсными кредиторами, уполномоченными органами, а также при дальнейшей доктринальной разработке института конкурсного оспаривания.

Для цитирования в научных исследованиях

Поляков М.А., Лаврентьев С.А. Особенности правового регулирования оспаривания сделок должника в делах о несостоятельности и проблемы доказывания недобросовестности // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 4А. С. 267-274. DOI: 10.34670/AR.2026.86.24.032

Ключевые слова

Несостоятельность, банкротство, оспаривание сделок, подозрительная сделка, сделка с предпочтением, недобросовестность, конкурсное оспаривание, бремя доказывания, аффилированные лица, презумпции осведомлённости.

Введение

Институт оспаривания сделок должника, нашедший развёрнутое закрепление в главе III.1 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве), за полтора десятилетия эволюционировал из вспомогательного инструмента в одну из несущих конструкций конкурсного процесса. Между нормой и её применением сохраняется заметный зазор. Качество правоприменения ощутимо отстаёт от ожиданий разработчиков, и эта дистанция за последние годы сокращается медленнее, чем хотелось бы.

Статистика подтверждает сказанное. По данным федресурса, на 2023 г. доля удовлетворённых требований незалоговых кредиторов составила 7,7 %, тогда как доля дел с нулевым удовлетворением остаётся в районе 54,7 %. Процент удовлетворения собственно заявлений о конкурсном оспаривании из года в год стабильно держится на отметке около 40 %. Параллельно усложняется сама квалификация оспариваемых сделок – обособленное место среди них занимают взаимосвязанные сделки [Кондратьев, 2025], требующие особого подхода в части юридического состава. За этой картиной – структурное несовершенство доказательственной базы, на которую опирается заявитель при формировании обособленного спора.

Доктринальная дискуссия о природе конкурсного оспаривания далеко не завершена. В литературе сосуществуют деликтная, квазиделиктная, легальная, кондикционная и гарантирующая теории, каждая из которых по-разному отвечает на вопрос о субъективной стороне оспариваемой сделки. Спор о соотношении объективного состава неравноценности и субъективного критерия осведомлённости контрагента, в частности, не утих и в практике применения п. 2 ст. 61.2 Закона о банкротстве [Сасыкин, 2024]; Верховный Суд РФ в определениях последних лет последовательно усиливает именно субъективистскую линию. Это обстоятельство нельзя игнорировать при оценке перспектив реформы института.

Цель работы – выявить особенности правового регулирования оспаривания сделок должника в делах о несостоятельности и определить ключевые проблемы доказывания недобросовестности. Сопоставление двух доктринально разнонаправленных моделей оспаривания – вещной (абсолютной) и обязательственной (относительной) [Амирджанов, 2026] – позволяет лучше понять, какие именно процессуальные и материально-правовые рычаги доступны арбитражному управляющему сегодня и каких рычагов ему не хватает. Предмет исследования ограничен российским правовым порядком; сравнительно-правовая компонента носит вспомогательный характер.

Материалы и методы исследования

В работе использован комплекс общенаучных и специально-юридических методов. Применён формально-юридический метод – для анализа действующих редакций ст. 61.2 и 61.3 Закона о банкротстве, ст. 10, 168, 170 ГК РФ; сравнительно-правовой – при сопоставлении

российской конструкции конкурсного оспаривания с континентально-европейскими аналогами; метод системного толкования – для соотнесения специальных норм Закона о банкротстве с общегражданскими нормами о недействительности. Привлечён также метод обобщения судебной практики, а доктринальная типология теорий конкурсного оспаривания [Калугин, 2024] позволила выявить точки расхождения между нормативной моделью и реальной правоприменительной картиной.

Эмпирическая основа исследования сформирована из трёх массивов. Нормативный массив включает Закон о банкротстве в редакции от 9 апреля 2026 г., часть первую ГК РФ, постановление Пленума ВАС РФ от 23 декабря 2010 г. № 63 (в ред. от 17 декабря 2024 г.), постановление Пленума ВС РФ от 17 декабря 2024 г. № 40. Судебно-практический массив составлен из определений Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ за 2023–2026 гг., обзоров судебной практики ВС РФ за тот же период, постановлений арбитражных судов окружного уровня. Доктринальный массив охватывает работы по истории внеконкурсного опровержения сделок [Савин, 2023] и современные исследования о моделях конкурсного оспаривания. Период мониторинга – с 1 января 2023 г. по 1 мая 2026 г.

Авторы признают, что использованная выборка не претендует на репрезентативность в строгом статистическом смысле: рассмотрены судебные акты, получившие публичное отражение в правовых базах («КонсультантПлюс», «Гарант», kad.arbitr.ru). Кабинетный характер исследования исключает возможность интервьюирования арбитражных управляющих. Это ограничение учтено при формулировке выводов.

Результаты и обсуждение

Глава III.1 Закона о банкротстве, введённая Федеральным законом от 28 апреля 2009 г. № 73-ФЗ, формирует двухуровневую систему оснований недействительности. Первый уровень – общегражданские основания (ст. 10, 168, 170 ГК РФ); второй – специальные банкротные основания, предусмотренные ст. 61.2 и 61.3. Данное разграничение носит не столько технический, сколько концептуальный характер.

Под сделкой, оспариваемой в деле о банкротстве, понимается не только гражданско-правовой договор. Закон распространяет понятие сделки на действия, направленные на исполнение обязательств (платежи, передача имущества), на действия в рамках исполнительного производства, соглашения о разделе общего имущества супругов и иные правомерные распорядительные действия должника. Расширительное толкование, заложенное Пленумом ВАС РФ в постановлении от 23 декабря 2010 г. № 63, позволило вовлечь в орбиту оспаривания практически любой акт, уменьшающий конкурсную массу [Ганева, 2024].

Юридический состав каждого специального основания привязан к периоду подозрительности – ретроспективному отрезку времени, отсчитываемому от даты возбуждения дела о банкротстве. По п. 1 ст. 61.2 такой период составляет один год; по п. 2 ст. 61.2 – три года; по ст. 61.3 – шесть месяцев либо один месяц в зависимости от подоснований. Подозрительный период носит объективный характер и не зависит от осведомлённости арбитражного управляющего о факте совершения сделки. Сам по себе он не порождает презумпции порочности сделки; он лишь очерчивает темпоральные рамки доказывания.

Конструкция п. 1 ст. 61.2 Закона о банкротстве на бумаге выглядит сугубо объективной: достаточно установить факт совершения сделки в пределах годичного периода подозрительности и несоответствие её условий рыночным. На практике, однако, такая модель

показала свою уязвимость. Определением от 15 февраля 2019 г. № 305-ЭС18-8671(2) Верховный Суд РФ указал, что при квалификации неравноценности необходимо учитывать всю совокупность обстоятельств сделки, включая контекст отношений между должником и контрагентом. Этим решением фактически введён субъективный фильтр в формально объективный состав. Дальнейшая практика лишь укрепила данный поворот.

Особый случай – оспаривание сделок стратегического должника, совершённых в рамках обычной хозяйственной деятельности. Действующая редакция ст. 195 Закона о банкротстве оставляет открытым вопрос о балансе интересов государства, добросовестного покупателя и кредиторов; судебная практика по этой категории остаётся вариативной. В литературе проблема описана как коллизия между специальным режимом стратегического предприятия и общим режимом конкурсного оспаривания [Борисова, 2024]. Возникает ситуация, при которой добросовестный приобретатель имущества стратегического должника несёт повышенный риск реституции – без адекватной компенсации.

Состав п. 2 ст. 61.2 Закона о банкротстве трёхэлементный. Требуется одновременно установить: (а) цель причинения вреда имущественным правам кредиторов; (б) фактическое причинение такого вреда; (в) осведомлённость контрагента о такой цели на момент совершения сделки. Каждый из элементов имеет собственный стандарт доказывания, и именно в распределении бремени между сторонами кроется большинство правоприменительных коллизий.

Доказывание субъективной стороны традиционно опирается на опровержимые презумпции, закреплённые в п. 7 постановления Пленума ВАС РФ № 63: заинтересованность сторон, осведомлённость о признаках неплатежеспособности или недостаточности имущества, осведомлённость об ущемлении интересов иных кредиторов. Однако сами эти презумпции лишь сдвигают, а не снимают вопрос о реальном знании контрагента. Так, публикация сведений о возбуждении дела о банкротстве в «Картотеке арбитражных дел» рассматривается судами как однозначное подтверждение осведомлённости, тогда как непрозрачные финансовые показатели должника, не получившие отражения в открытых источниках, оставляют истцу узкий доказательственный коридор.

Сделки с предпочтением, регулируемые ст. 61.3 Закона о банкротстве, теоретически – едва ли не единственный сохранившийся пример последовательной легальной теории конкурсного оспаривания. Идея в основе таких сделок – уравнивание кредиторов, формирование таких условий, при которых все участники реестра страдают пропорционально. Подоснования п. 2 ст. 61.3 (минимальный месячный период) не требуют доказывания осведомлённости; подоснования п. 3 (шестимесячный период) требуют. На практике, однако, и сюда проникает квазиделиктная логика.

Исключение, предусмотренное п. 2 ст. 61.4 Закона о банкротстве (сделки в процессе обычной хозяйственной деятельности при цене ниже одного процента от стоимости активов), судами в последние годы толкуется расширительно. Бремя доказывания обычного характера сделки лежит на ответчике; одновременно в предмет доказывания включаются вопросы добросовестности контрагента. Возникает парадокс: формально легальная конструкция работает по правилам деликтной или квазиделиктной модели. Это снижает предсказуемость правоприменения и одновременно усложняет тактику защиты ответчика.

Недобросовестность контрагента – категория оценочная. Её содержание выводится из общего принципа добросовестности (п. 3 ст. 1, п. 5 ст. 10 ГК РФ) и конкретизируется применительно к контексту конкурсного оспаривания. Суды используют тест «абстрактного

участника хозяйственного оборота», действующего разумно и осмотрительно в сравнимых обстоятельствах. Чем выше уровень профессионализма контрагента (банк, специализированная финансовая организация, крупный участник рынка), тем строже стандарт ожидаемой осмотрительности. Слабым звеном здесь остаётся доказывание субъективного знания физическими лицами – родственниками должника, контрагентами вне формальной группы.

Категория фактической аффилированности, закреплённая в позициях ВС РФ (определение от 15 июня 2016 г. № 308-ЭС16-1475), позволяет преодолеть формальный подход к понятию заинтересованного лица. При наличии достаточно серьёзных косвенных доказательств бремя опровержения переносится на сторону, ссылающуюся на независимый характер отношений. Этот процессуальный приём не лишён рисков. Между тем именно он стал одним из основных инструментов борьбы с выводом активов через цепочки формально не связанных контрагентов.

Конкурсное оспаривание неотделимо от субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц [Олимпиев, Кашапов, 2024]. Если оспаривание сделки направлено на возврат имущества в массу, то привлечение контролирующего лица к субсидиарной ответственности расширяет источники удовлетворения требований за счёт личного имущества бенефициаров. Доказательственные стандарты этих двух институтов всё более сближаются: и там и там ключевую роль играет установление факта недобросовестного поведения и причинно-следственной связи между ним и причинением вреда кредиторам.

Помимо конкурсного, российская правовая система допускает и внеконкурсное оспаривание сделок должника на основании ст. 10 и 168 ГК РФ – так называемый Паулианов иск в современной интерпретации [Свириденко, 2020]. Его доктринальное обоснование строится на идее защиты кредитора от вывода активов ещё до инициирования банкротных процедур. Главная проблема – стандарт доказывания: для успешного внеконкурсного оспаривания необходимо представить веские доказательства цели причинения вреда кредиторам с обеих сторон сделки. Институт нуждается в более чёткой законодательной проработке.

Самостоятельный массив проблем связан с включением в конкурсную массу специфических объектов, обременённых публично-правовыми ограничениями оборота: оружие, наркотические средства, объекты двойного назначения. Применительно к гражданину-банкроту, в собственности которого обнаруживается зарегистрированное огнестрельное оружие, формируется коллизия между ст. 213.25 Закона о банкротстве и положениями Федерального закона от 13 декабря 1996 г. № 150-ФЗ «Об оружии» [Александрова, 2025]. Эта коллизия наглядно подсвечивает, что институт оспаривания сделок и формирования конкурсной массы по-прежнему страдает от лакун в отраслевом регулировании.

Сводя воедино рассмотренные сюжеты, можно констатировать: основной вектор развития правового регулирования конкурсного оспаривания за последние пять лет – движение к субъективистской модели. Формально легальные составы (п. 1 ст. 61.2, п. 2 ст. 61.3) трансформированы правоприменительной практикой в квазиделиктные. Это повышает значение качественного анализа фактических обстоятельств каждой сделки и одновременно понижает прогнозируемость результата спора для арбитражного управляющего.

Доказывание недобросовестности контрагента – узкое место института. Опровержимые презумпции, заложенные в постановлении Пленума ВАС РФ № 63, в условиях усложнения структуры собственности и распространения номинальных контрагентов работают с переменным успехом. Не во всех случаях кредитор и арбитражный управляющий располагают доступом к первичным документам, отражающим действительные связи между сторонами

сделки.

С учётом изложенного представляется обоснованным следующий набор корректировок. Во-первых, целесообразно нормативно закрепить минимальный пороговый размер отклонения цены сделки от рыночной (например, 20–25 %), при котором применение п. 1 ст. 61.2 без доказывания субъективной составляющей становится возможным. Во-вторых, следует прямо отразить в законе содержание презумпций осведомлённости контрагента, повысив их нормативный статус с разъяснения Пленума до уровня федерального закона. В-третьих, требуется единая шкала стандартов доказывания для конкурсного и внеконкурсного оспаривания: сегодня они различаются необоснованно резко.

Заключение

Проведённое исследование подтверждает: специальные основания недействительности сделок должника, закреплённые в главе III.1 Закона о банкротстве, эволюционировали от формально объективных юридических составов к составам с явно выраженной субъективной компонентой. Эта эволюция произошла не в результате законодательной реформы, а под влиянием правоприменительной практики высших судебных инстанций. Поворот, начатый в 2019 г. и закреплённый в последующих позициях ВС РФ, сохраняется и в 2026 г.

Применительно к проблеме доказывания недобросовестности контрагента ключевая трудность сосредоточена в стыке материального и процессуального права. Презумпции осведомлённости, закреплённые на уровне разъяснений Пленума ВАС РФ, не успевают за усложняющейся структурой корпоративных отношений; стандарт доказывания фактической аффилированности формируется главным образом точечными определениями Верховного Суда РФ.

Конкурсное и внеконкурсное оспаривание сегодня соотносятся непоследовательно. Унификация подходов – задача ближайших лет.

Наблюдения за судебной практикой 2023–2026 гг. позволяют утверждать: доля удовлетворённых заявлений об оспаривании сделок остаётся в пределах примерно 40 %, тогда как уровень удовлетворения требований незалоговых кредиторов колеблется в пределах 7–10 %. Эти цифры свидетельствуют о ограниченной эффективности института при формально широких полномочиях заявителей.

Дальнейшая разработка проблематики требует уточнения нормативного содержания опровержимых презумпций и сближения стандартов доказывания. Соответствующие законопроекты в Государственную Думу пока не внесены.

Библиография

1. Александрова В.А. Основания для оспаривания сделок, направленных на искусственное создание кредитной задолженности, приводящей к банкротству // Академический исследовательский журнал. 2025. Т. 3. № 5. С. 53–58.
2. Амирджанов Р.А. Модели оспаривания сделок при несостоятельности (банкротстве) // Сибирское юридическое обозрение. 2026. Т. 23. № 1. С. 114–128.
3. Борисова Л.В. О защите прав и законных интересов покупателя и кредиторов стратегического должника по делу о несостоятельности (банкротстве) // Государство и право. 2024. № 5. С. 52–58.
4. Ганева Е.О. Оспаривание сделок должника в рамках дел о несостоятельности (банкротстве) // Право и политика. 2024. № 11. С. 63–76.
5. Калугин В.Ю. Оспаривание сделок в банкротстве в контексте различных теорий конкурсного оспаривания // Российское право: образование, практика, наука. 2024. № 1. С. 45–53.

6. Кондратьев В.А. Понятие и виды взаимосвязанных сделок, оспариваемых по правилам законодательства о банкротстве // Актуальные проблемы российского права. 2025. Т. 20. № 5. С. 99–107.
7. Олимпиев А.Ю., Кашапов А.А. Субсидиарная ответственность контролирующих должника лиц при банкротстве юридических лиц // Криминологический журнал. 2024. № 3. С. 179–182.
8. Савин Д.В. Становление и развитие внеконкурсного оспаривания в европейских правовых системах и в дореволюционной России // Пролог: журнал о праве. 2023. № 1. С. 44–53.
9. Сасыкин К.Ю. Спорные вопросы оспаривания сделок должника по п. 2 ст. 61.2 Закона о банкротстве // Актуальные проблемы государства и права. 2024. Т. 8. № 1. С. 94–106.
10. Свириденко О.М. Оспаривание сделок во вред кредиторам вне процедуры банкротства (внеконкурсное оспаривание) // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15. № 2. С. 105–112.

Features of Legal Regulation of Challenging Debtor's Transactions in Insolvency Cases and Problems of Proving Bad Faith

Mikhail A. Polyakov

Bachelor's Degree Holder,
Plekhanov Russian University of Economics,
117997, 36, Stremyanny lane, Moscow, Russian Federation;
e-mail: mikhailpoll@gmail.com

Sergei A. Lavrent'ev

Bachelor's Degree Holder,
Plekhanov Russian University of Economics,
117997, 36, Stremyanny lane, Moscow, Russian Federation;
e-mail: Sergey.lavrentev02@gmail.com

Abstract

The institution of challenging a debtor's transactions, enshrined in Chapter III.1 of Federal Law No. 127-FZ of October 26, 2002, currently functions as one of the key tools for replenishing the bankruptcy estate and protecting creditors; at the same time, the effectiveness of its application remains consistently low. The paper examines the features of legal regulation of special grounds for the invalidity of transactions in insolvency and identifies key problems associated with proving the subjective aspect of challenged transactions — primarily the bad faith of the counterparty. Formal-legal, comparative-legal, and systemic-interpretive methods were applied, and the practice of the Supreme Court of the Russian Federation for 2023–2026 was summarized. It is established that the dominance of subjectivist approaches in qualifying unequal transactions and preferential transactions leads to a shift of the burden of proof towards the plaintiff and the actual devaluation of a number of legal compositions. Proposals are formulated to clarify the content of rebuttable presumptions of the counterparty's awareness and to differentiate between bankruptcy and non-bankruptcy challenging. The obtained conclusions are applicable when preparing applications for challenging transactions by insolvency practitioners, bankruptcy creditors, and authorized bodies, as well as in further doctrinal development of the institution of bankruptcy challenging.

For citation

Polyakov M.A., Lavrent'ev S.A. (2026) Osobennosti pravovogo regulirovaniya osparivaniya sdelok dolzhnika v delakh o nesostoyatel'nosti i problemy dokazyvaniya nedobrosovestnosti [Features of Legal Regulation of Challenging Debtor's Transactions in Insolvency Cases and Problems of Proving Bad Faith]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (4A), pp. 267-274. DOI: 10.34670/AR.2026.86.24.032

Keywords

Insolvency, bankruptcy, challenging transactions, suspicious transaction, preferential transaction, bad faith, bankruptcy challenging, burden of proof, affiliated persons, presumptions of awareness.

References

1. Aleksandrova, V. A. (2025). Osnovaniya dlya osparivaniya sdelok, napravlennykh na iskusstvennoe sozdanie kreditnoy zadolzhennosti, privodyashchey k bankrotstvu [Grounds for contesting transactions aimed at the artificial creation of credit debt leading to bankruptcy]. *Akademicheskii issledovatel'skiy zhurnal*, 3(5), 53–58.
2. Amirdzhanov, R. A. (2026). Modeli osparivaniya sdelok pri nesostoyatel'nosti (bankrotstve) [Models of contesting transactions in cases of insolvency (bankruptcy)]. *Sibirskoe yuridicheskoe obozrenie*, 23(1), 114–128.
3. Borisova, L. V. (2024). O zashchite prav i zakonnykh interesov pokupatelya i kreditorov strategicheskogo dolzhnika po delu o nesostoyatel'nosti (bankrotstve) [On protecting the rights and legitimate interests of the buyer and creditors of a strategic debtor in cases of insolvency (bankruptcy)]. *Gosudarstvo i pravo*, 5, 52–58.
4. Ganeva, E. O. (2024). Osparivanie sdelok dolzhnika v ramkakh del o nesostoyatel'nosti (bankrotstve) [Contesting the transactions of the debtor in the framework of insolvency (bankruptcy) cases]. *Pravo i politika*, 11, 63–76.
5. Kalugin, V. Yu. (2024). Osparivanie sdelok v bankrotstve v kontekste razlichnykh teoriy konkursnogo osparivaniya [Contesting transactions in bankruptcy in the context of various theories of competitive contestation]. *Rossiyskoe pravo: obrazovanie, pratica, nauka*, 1, 45–53.
6. Kondratiev, V. A. (2025). Ponyatie i vidy vzaimosvyazannykh sdelok, osparivaemykh po pravilam zakonodatel'stva o bankrotstve [The concept and types of interrelated transactions contestable under the rules of bankruptcy legislation]. *Aktual'nye problemy rossiyskogo prava*, 20(5), 99–107.
7. Olimpiev, A. Yu., & Kashapov, A. A. (2024). Subsidiarnaya otvetstvennost' kontroliruyushchikh dolzhnika lits pri bankrotstve yuridicheskikh lits [Subsidiary liability of persons controlling the debtor in the bankruptcy of legal entities]. *Kriminologicheskii zhurnal*, 3, 179–182.
8. Savin, D. V. (2023). Stanovlenie i razvitie vnekonkursnogo osparivaniya v evropeyskikh pravovykh sistemakh i v dorevolyutsionnoy Rossii [Formation and development of extra-competitive contestation in European legal systems and in pre-revolutionary Russia]. *Prolog: zhurnal o prave*, 1, 44–53.
9. Sasykin, K. Yu. (2024). Spomye voprosy osparivaniya sdelok dolzhnika po p. 2 st. 61.2 Zakona o bankrotstve [Controversial issues of contesting transactions of a debtor under paragraph 2 of Article 61.2 of the Law on Bankruptcy]. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava*, 8(1), 94–106.
10. Sviridenko, O. M. (2020). Osparivanie sdelok vo vred kreditoram vne protsedury bankrotstva (vnekonkursnoe osparivanie) [Contesting transactions to the creditors' harm outside the bankruptcy procedure (non-competitive contesting)]. *Aktual'nye problemy rossiyskogo prava*, 15(2), 105–112.